

Сауле

Абдиева

Я – РОВЕСНИК ПОКОЛЕНИЯ XXI ВЕКА

К 90-летию Мукагали Макатаева

«ПОЭЗИЯ МОЯ, – ЖИВИ!»

В Алматинской области в Нарынкольском районе есть аул Карасаз, который расположен в удивительно красивом заповедном месте, с четырех сторон окруженном горами и таинственными озерами. Знаменитое жайляу Шалкоде одной стороной подпирает аул, где 9 февраля 1931¹ года родился будущий поэт Мукагали Макатаев.

Мукагали Макатаев!

Сегодня это имя символизирует казахскую поэзию.

Великий сын великой казахской земли, щедро одаренный ее любовью и одаривший ее своим ярким талантом...

Полное имя поэта – Мухаметкали, но его с детства ласково называли Мукагали, считая, что бремя ответственности имени Пророка может осложнить жизнь маленького ребенка. У молодых родителей Макатаевых, Сулеймена и Нагиман, он был первым из троих детей. Отец поэта, очень скромный и работающий человек, за год до войны стал директором колхоза. Когда Мукагали исполнилось 10 лет, отца забрали на фронт, и вся тяжесть военной действительности легла на плечи подростка.

Как все мальчики военного поколения, он рано стал взрослым, осознав ответственность того, что в доме, где одни женщины и дети, остался за мужчину. И как горько поэт восклицает, вспоминая то время:

Бәрі есімде – далам да, тұрағым да,
Тек есте жоқ, күлдім бе, жыладым ба...

<...>

Есімде жоқ.

Бала боп өсіп пе едім?!

(«Отыз бесінші көктемім»)

¹ Жена поэта Лашын Азимжанова (Азимжанкызы) в биографии поэта пишет о том, что записанные в свидетельстве о рождении данные (число и месяц) неверны, настоящий день рождения Макатаева 13 марта.

Помню все – и землю мою, и жизнь мою,
Только не помню – смеялся ли я, плакал ли я...

<...>

Не помню.

Было ль детство у меня?!

(«Моя тридцать пятая весна»)

Это строки из стихотворения «Моя тридцать пятая весна», где поэт говорит о прожитых годах. Определяющим в судьбе поэта является детство, воспоминания о котором вновь предстают перед глазами: это и сборы отца на фронт; это и тяжелый взрослый труд с десятилетнего возраста в колхозе; это и образ мудрой бабушки Тиын – матери отца – сказительницы и великой мастерицы слова; это и учеба в школе, позже – в интернате; это и гибель отца на фронте. Всю горечь военного детства, выпавшего на его долю, поэт преодолевает мыслью о продолжении жизни отца в себе:

Мен – солдаттың жандырып кеткен жалыны,
Сөнбедім де өшпедім,
Мен отыз бестемін...

Мені жұрт:

«Жақсыдан қалған көз», – дейді,
«Жақсыдан қалған сөз», – дейді,
Ақымақ болсам, төзбейді:
Хайуан дейді, ез дейді,
Хақым жоқ жаман болуға,
Мені жақсыдан қалған көз дейді.

Я – солдатом зажженный огонь,
Не погаснув и не исчезнув,
Достиг тридцати пяти.

Обо мне люди:

«От достойного оставшийся след», – скажут,
«От доброго оставшиеся слова», – скажут,
Глупцом стану, не простят:
Подлецом назовут, ничтожеством нарекут,
Права нет у меня быть плохим,
От хорошего оставшийся след, обо мне скажут.

По воспоминаниям матери поэта, Нагиман Батанкызы, с 14–15 лет Мукагали начал писать стихи. Комната с низкими потолками была наполнена книгами, которые он поглощал одну за другой, черпая из них мысли и знания. Макаатаев с любовью вспомнит эту комнату в своих стихах: «Мен өскен лашық – бір бөлме / Бір бөлме маған – мың бөлме» («Лачуга детства моего – одна комната, / Но для меня она, как тысяча комнат»). Впоследствии все, кто посещал дом, где жил поэт – будь то в Карасазе, в ауле Шибут или в Алма-Ате, – отмечали, что в его

комнате всегда было много книг, а на письменном столе, заставленном книгами на казахском и русском языках, оставалось небольшое место, где мог поместиться лишь лист бумаги.

Макатаев очень любил читать Абая, Ауэзова, Сейфуллина, Мусрепова. Знал прекрасно русскую литературу, особенно любил поэзию Пушкина, Есенина, Блока. Из зарубежной литературы, зная творчество Гейне, Гете, Дюма, Гюго, Байрона, Драйзера, Стендаля, предпочтение отдавал Бальзаку, Лондону и Шекспиру. Будучи еще молодым, в письме Абдикаиму Исабаеву Макатаев признается: «Я, мен әдебиетті сүйемін. Одан жоғары тұрған мен үшін еш нәрсе жоқ»² [18; 403] («Да, я люблю литературу. Выше нее для меня ничего нет»).

В 1948 году Макатаев окончил в Нарынколе школу-интернат и поступил на филологический факультет Казахского государственного университета, но из-за тяжелых бытовых и материальных условий вынужден был прервать учебу. Впоследствии он еще несколько раз пытался получить высшее образование: вначале в стенах института иностранных языков, потом вновь в КазГУ – на юридическом факультете. В 1973 году он поступает в Литературный институт им. М. Горького в Москве, но, не проучившись и года, возвращается, объясняя это семейными причинами и тем, что не смог жить вдали от родной земли, родного города. Легкость, с которой Макатаев поступал в высшие учебные заведения, свидетельствует о его огромных способностях, а желание получить образование – о стремлении к знаниям. Они, по его мнению, должны служить одной цели – расширению кругозора, на котором строится этическая и эстетическая основа творчества.

Макатаев рано женился. Это событие произошло весной 1949 года. Жизнь и обстоятельства складывались таким образом, что он, еще в подростковом возрасте взявший на себя ответственность за семью отца, стал главой своей большой семьи, состоявшей из жены Лашын, бабушки поэта Тиын, его матери и двоих младших братьев, к которым прибавились его дети: Ляззат, Майгуль³, Жулдыз, Айбар, Алмагуль, Шолпан. Оставаясь в ауле, Мукагали работал в конторе, потом в сельской школе, в районной газете. После переезда всей семьи в 1962 году в Алма-Ату он трудился в тех сферах профессиональной деятельности, которые были тесно связаны с литературным творчеством. Был диктором на Казахском радио, журналистом в газете «Советтік шекара», сотрудником журнала «Жұлдыз», руководил советом по делам молодежи в Союзе писателей.

Несмотря на смену внешних жизненных событий, в одном Макатаев проявляет постоянство – это привязанность и великая любовь к поэзии. Он постоянно пишет стихи и часто публикуется. К наиболее известным относятся публикация 1949 года в газете «Советская искра» первых стихотворений поэта; публикация 1952 года в сборнике начинающих поэтов «Жастық жыры» («Песни молодости»), составителем которого был Касым Аманжолов. В 1954 году в журнале «Әдебиет және искусство» появилось шесть стихотворений поэта. 18 марта 1960 года в газете «Қазақ әдебиеті» («Казахская литература») была опубликована подборка стихотворений Макатаева, вступительное слово к которым – рукоположение в

² Дневниковые записи и письма поэта опубликованы в 3-м томе «Сочинений» Макатаева 2001–2002 года издания [18; 358–421]. В дальнейшем при цитировании используется данный источник. Также при цитировании из дневников Макатаева сохранена оригинальная стилистическая и орфографическая версия, принадлежащая поэту.

³ Ляззат умерла от простуды в младенчестве. 11-летняя Майгуль трагически погибла в 1962 году: ее сбил мотоцикл.

поэты – написал известный поэт Абдильда Тажибаев, один из немногих видных деятелей культуры и литературы, постоянно поддерживавший Мукагали.

Начиная с 1964 года, когда вышла первая книга стихотворений, до 1976 года – последнего года короткой жизни Макаатаева, в течение двенадцати лет увидели свет восемь стихотворных книг поэта, среди которых можно назвать такие широко известные, как «Армысындар достар!» («Приветствую вас, друзья!»), «Аккулар ұйықтағанда» («Когда лебеди спят»), «Шуағым менін» («Свет мой»), «Дарига жүрек» («Ах, сердце»), «Өмір-дастан» («Жизнь-поэма»). За двадцать пять лет работы в литературе Макаатаев написал более 1000 стихотворений. Он стал автором поэм «Ильич», «Ақ қайың әні» («Песнь белой березы»), «Райымбек! Райымбек!», «Мүзбалақ» («Горный орел»), «Мавр»; рассказов и повестей; пьесы «Қош, махаббат» («Прощай, любовь»); аналитических статей по вопросам развития современной казахской поэзии и проблемам духовности в ней. Он перевел первую часть «Божественной комедии» Данте – «Тозак» («Ад»). Переводил также В. Шекспира, У. Уитмена, восточных поэтов и русских поэтов-современников. Художественный талант его проявился многогранно.

С первых же стихотворений и стихотворных книг определился голос макаатаевской поэзии, который от года к году набирал силу и неповторимую выразительность. Чистота и ясность, простота слога в выражении самых глубинных человеческих чувств и переживаний поражают читателя, прикоснувшегося к чуду поэзии Мукагали Макаатаева. Гармония звука и смысла, облеченного в слова и образы, понятные и близкие каждому, – в этом заключается огромная притягательная сила его стихов.

Поэзия для Макаатаева – это сама жизнь. Эта мысль находит отражение в дневниках поэта: «...весь мой мир, мой ребенок, моя возлюбленная, благо мое – это ты, моя поэзия». Она была оправданием и высшим смыслом всей его жизни: «Поэзия – это вся моя жизнь». Поэзия встретила его на пороге юности и шла рядом с ним до последнего дня. Даже тяжело больной, осунувшийся, похудевший, он продолжал писать стихи. В 1974–1975 годах Макаатаев часто лежал в больнице. Когда боль немного отпускала, он с головой уходил в работу. За день мог написать шесть-семь стихотворений, а иногда и восемь. Дукенбай Досжанов вспоминает о том, как при одном из посещений Макаатаева в больнице увидел поэта, примостившегося у подоконника. Не обращая внимания на окружающих, на то, что халат сполз с плеч и очки еле держались на кончике носа, Мукагали увлеченно писал стихи. На немой вопрос своего друга-писателя он ответил: «Өлең келіп қалды» («Стихи пришли»). Как удивительно просто и гениально сказано: «Стихи пришли!» [20; 75]⁴.

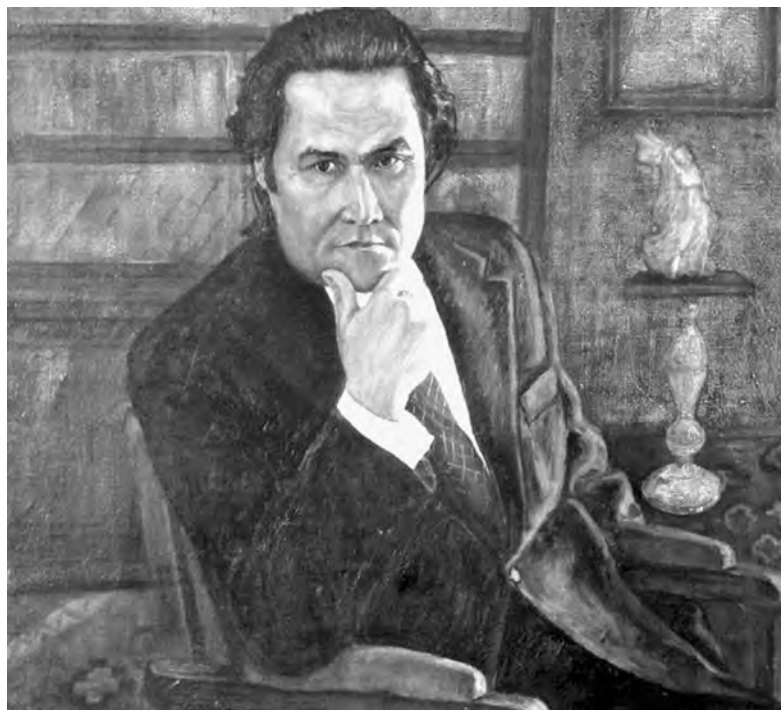
Последняя прижизненная книга стихов Макаатаева «Жизнь-поэма» вышла в середине марта 1976 года. Сразу же начав подписывать ее самым близким людям, поэт почему-то ставил дату «27 марта 1976 год». В этот день его не стало.

В тот же мартовский день 76-го друг Макаатаева М. Жомартбек, находясь в командировке в Актюбинской области, стал свидетелем случайной сцены в автобусе. Впоследствии он вспоминал о том, как красивая юная казашка обнимала

⁴ 20 лет спустя после смерти Макаатаева появилась книга воспоминаний [20; 1995]. В ней впервые были собраны уникальные воспоминания о поэте: его матери Нагиман Батанкызы, друзей детства, соратников по перу. Эта книга воспоминаний стала одним из свидетельств официального признания поэта и высокой оценки его поэзии.

газету и горько плакала. Он спросил у нее, что произошло. В ответ она сказала: «Умер поэт, чьи стихи я очень люблю». Это была газета с некрологом о смерти Макатаева. В те весенние дни вместе с этой девушкой плакали все, кто любил Мукагали.

Значение поэзии Макатаева в XXI веке наиболее точно определяют слова его друга-единомышленника Сабырхана Асанова, который спустя 20 лет после смерти поэта сказал: «Началась вторая жизнь поэта. Мукагали сегодня – легенда. Мукагали сегодня – истина. Мукагали сегодня – Коран». Вся поэзия Макатаева – это гармония любви и созидательного смысла, в которой отражается личность поэта, творившего бессмертие. И душа поэта всегда современна и вечно живет в мире, который он любил и которому завещал в любви вспоминать о поэте.

Дүркіреп тұрған көктемде,
Сіркіреп нөсер төккенде,
Күркіреп жатқан бұлтты,
Найзағай шаншып өткенде,
Есіңе мені алғайсың.

Қазбауыр бұлттар мұңғанда,
Орманға жазда барғанда,
Арманда мені, арманда!
Онаша, жалғыз қалғанда,
Есіңе мені алғайсың.

Қараша келген шақтарда,
Қызарып тұрған бақтарда,

Қурайлар сыңсып жатқанда,
Жапырақ жайрап жатқанда,
Есіңе мені алғайсың.

Ақ ұлпа жерді жапқанда
Ағаштар сырға такқанда,
Бозарып атқан ақ таңда,
Бозарып тұрып ақпанда,
Есіңе мені алғайсың!
Есіңе мені алғайсың!
(«Есіңе мені алғайсың», 1966)

Когда буйствует весна,
Когда идет проливной дождь,
Когда грохочущие тучи
Пронзят молния,
Вспомни обо мне.

Когда плывут легкие облака,
Когда летом очутишься в лесу,
Мечтай обо мне, мечтай!
Когда останешься наедине с собой,
Вспомни обо мне.

Когда наступит октябрь,
Когда в садах, одетых в багрянец,
Кураи тоскливо запоют,
Когда кругом лежит листва,
Вспомни обо мне.

Когда белый снег накроет землю,
Когда деревья зазвенят,
Когда наступит серого февраля
Бледный рассвет,
Вспомни обо мне!
Вспомни обо мне!
(«Вспомни обо мне»)

Пожелание поэта вспомнить о нем реализовано в книге «Поэтический мир М. Макатаева», которая писалась мною в течение двадцати лет и где творчество поэта рассматривается как единый текст. Стратегию филологических «воспоминаний» в форме научных штудий выстраивает сама его поэзия, представляющая собой единый пронзительный лирический дневник. М. Макатаев, так же, как и его любимый русский поэт С. Есенин, завещал искать его биографию в стихах, прочитав все написанное им. Об этом Макатаев говорит за месяц до смерти в дневниковой записи от 14 февраля 1976 года: «Если когда-нибудь кого-нибудь

заинтересует моя жизнь, мое творчество, я вот что скажу им: “Дорогие товарищи мои! Если Вы действительно намерены исследовать мою биографию, мое творчество, то не забудьте прочесть все, что написано мною. И прошу не отделяйте меня от моих стихотворений”».

«ТУТ ГОРЕСТИ И РАДОСТИ МОЕЙ ДУШИ»

Притягательная сила поэзии Макатаева заключается в том, что высокий мир чувств и переживаний предстает в самой доступной и совершенной форме. Как же происходит рождение его поэзии? Обратимся к лирическим раздумьям поэта, в которых он и сам ищет ответ на этот вопрос. Попытаемся проследить развитие мыслей и рассуждений Макатаева о творчестве, связанных с таинством рождения поэзии и роли поэта в этом процессе.

Хотя Макатаев рано осознал свой дар, он считал, что необходимо постоянно учиться. Учителями-кумирами для него были Пушкин и Абай. В дневнике от 2 апреля 1972 года поэт пишет: «Пушкин мен Абайға айналып соға берем, соға берем» («Все время возвращаюсь и возвращаюсь к Пушкину и Абаю»). Почему именно Абая и Пушкина особо выделил для себя Макатаев, как он распознал их и пришел к пониманию того, что они – поэты ренессансного типа?! «Если смотреть с позиции общих закономерностей, то обнаруживается, что и Пушкин, и Абай – фигуры ренессансные», и они «способствуют изменению ценностей в обществе, формированию нового мировоззрения, вырабатывают и утверждают новые принципы отношения к миру, к личности, к культуре, образованию и науке...» [13; 85]. Их поэтическая гениальность является следствием того, что обоих поэтов отличает, прежде всего, гуманистическое мировоззрение и человеческая простота. Обладание этими качествами необходимо для тех, кто хочет, по мнению Макатаева, зафиксированному в дневнике, «не умничать, не рассуждать, а воспевать».

Так же, как и все выдающиеся казахские писатели и мыслители XX века [12; 145–151], Макатаев получает бесценный опыт от великого Абая. Его духовное наследие, культура поэтических раздумий и преданное служение своему народу определяют ту высоту, к которой стремится Макатаев. Виртуозное владение поэтом-просветителем самым простым казахским словом, обретающим новые эстетические и философские глубины, становится для Мукагали эталоном. Сущность его лирических размышлений, построенных на простых доступных словах и образах, обязаны своим рождением Абаю, на «поэтическом жайляу» которого, по меткому выражению Макатаева, «пасутся крылатые кони» [17; 144]. Его стихи несут в себе немеркнущий свет поэзии Абая.

Қуат алып Абайдың тіл күшінен,
Жыр жазамын Абайдың үлгісімен.
Абай бопып табынсам бір кісіге,
Абай болып түңілем бір кісіден.
(«Мен дағы өлең жазбаймын...»)

Обретя силу в поэзии Абая,
Буду писать стихи, как Абай.

Как Абай поклонюсь человеку
 И как Абай смогу отречься от него.
 («Хотя я не пишу стихов...»)

Поиски Макатаевым путей выражения поэтической мысли («карапайым жырларым» – «мои простые стихи») и обретение своего поэтического голоса, так называемые «своеобразные авторские комментарии к творческому процессу» [15; 127], пролегли и через поэтическую школу Пушкина, о чем ярко свидетельствуют ранние стихотворения поэта.

«Поэтический текст формирует в сознании автора и читателя сложнейшую, противоречивую, специфическую художественную картину мира, ведущим средством создания которой являются те поэтические смыслы, которые выражаются единицами языкового пространства поэтического текста» [8; 201]. Это наблюдается в одном из ранних стихотворений Макатаева – «Қараңғы түнді жамыла...» («Под покровом ночи...»). 19-летний Мукагали передает мучительный процесс рождения поэзии с помощью традиционного набора символов, обозначающих творчество: «түнді», «қағазға», «көңіл», «қаламға», «шабыттан», «күй», «зарығып», «өлеңім» («ночи», «на бумагу», «чувство», «перу», «от вдохновения», «мелодия», «томясь», «мои стихи»). Завершается стихотворение восклицанием: «Шын шабытын ақындық, / Еркіммен қашан көремін?!» («Настоящее поэтическое вдохновение, / Когда оно явится свободно?!»).

Все перечисленные понятия, обуславливающие процесс осуществления поэтического творчества, и особенно завершающая фраза отсылают к истокам раннего творчества Макатаева – поэзии А. Пушкина, в частности к его стихотворению «Осень (Отрывок)», 1833:

X
 И забываю мир – и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне
 Излиться, наконец, свободным проявленьем –
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI
 И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
 Минута – и стихи свободно потекут.

Ключевым словом для Пушкина является дважды повторенные варианты слова «свобода», которое становится определяющим и для вступающего на поэтический путь Макатаева.

Пониманию сути поэзии посвящено еще одно его раннее стихотворение «Қайдасың, қайдасың, менің ерке жан серігім?...» («Где ты, где ты, моя шаловливая

сердечная подруга...»). Здесь Макаатаев, сравнивая поэзию с шаловливой подругой, ориентируется на Пушкина, опыт версификационной рефлексии которого содержит преимущественно шутливо-игровой характер [15; 140]. Образы и цитаты из указанного стихотворения Макаатаева пересекаются с пушкинским, в частности с его стихотворением «Рифма, звучная подруга...» (1828).

Оба стихотворения держатся на культуре реминисценций. Пушкин, обращаясь к античности, в гедонистическом финале своего стихотворения создает неомиф о рождении рифмы. Это некая игра про игру. Показательно, что все глаголы в его «Рифме...» имеют форму прошедшего времени. Пушкин легок, полон радости жизни, он внутренне свободен и находится над ситуацией. Он экстравертен. Макаатаев же интровертен. Отталкиваясь от идеи Пушкина о беззаботности поэзии и отсекая фрагмент его античного сюжета, он ищет путь к своей поэзии и к самому себе. Он еще находится в поиске, поэтому романтический драматизм молодости есть основная составляющая его стихотворения, которое держится на глаголах настоящего времени, кроме последнего «ертер едім» («повел бы»). Таким образом, внешнее сходство двух стихотворений сильнее подчеркивает внутреннее различие и показывает, что для Макаатаева обращение к Пушкину – это не слепое подражание, а желание найти свой путь с учетом опыта своих великих предшественников. Пушкинский сюжет о происхождении рифмы, рожденной от любви бога Аполлона и богини Мнемозины, вероятно, стал определенным толчком к лирическим раздумьям Макаатаева о путях рождения его собственной поэзии.

Традиционным для поэтов XX века было обращение к пушкинскому творчеству, но у каждого из них был свой повод и причина. Например, исследователю О. А. Лекманову принадлежит спорное утверждение о том, «что Пушкин у Бродского перестает быть поэтом, превратившись в набор ходячих цитат» [14; 338]. «Если наиболее веская причина, побуждавшая Бродского с почти неправдоподобной частотой цитировать расхожие пушкинские строки, состоит в том, что все эти строки были отобраны и стерты в пяточок самим временем, которое, в свою очередь, интересовало Бродского больше всего на свете» [14; 342], то для М. Макаатаева, современника И. Бродского, Пушкин и пушкинская поэзия – это нравственный и эстетический ориентир. Это возможность через него найти свой путь в творчестве и обрести свой голос.

В 1949 году М. Макаатаев пишет стихотворение «Тұңғышым» («Мой первенец»), посвященное своему первому увидевшему свет стихотворению. В нем показан процесс рождения поэзии, схожий с рождением человека: «болмады тыныш көңіл», «бебеулеп ұзақ толғаттым», «қиналдым», «әлек боп жаттым», «куанбай» («чувству не было покоя», «натужено стонал, словно при родах», «страдал», «мучался», «не радовался»). Близкая к натуральности картина родов, заключенная в первых двух строфах, сменяется радостью и восторгом появления новой жизни в двух последующих: «Шыр етіп кенет тұңғышым / Ашты дүние есігін» («Как младенец, появившийся на свет, / Стихи мои открыли дверь в мир»). Стихотворение построено на двойном сравнении. С одной стороны, рождение стиха сродни рождению младенца, с другой стороны, поэзия – это щебечущий птенец, которому суждено превратиться в птицу:

Тұңғышым, ер жет, канаттан,
Өмірге жаңа сый әкел!

Мой первенец, расти, обретай крылья,
Принеси в мир новый дар!

Сравнение поэзии с младенцем, ребенком постоянно встречается в лирике Макаатаева. Нередко предстает она и в образе крылатой птицы: «шарық құсым» («моя небесная птица»), «арда құсым» («моя юная птица»).

Через всю поэзию Макаатаева проходят раздумья о поэзии, о природе ее происхождения и ее предназначении. В чем загадка рождения поэзии? Поэт считает, что она рождается в противоречии, в споре с миром: «Өлең деген тумайды жайшылықта, / Өлең деген тулайды қайшылықта» («Ведь стихи не рождаются просто так, / Ведь стихи рождаются от несогласия»). Поэзия для него – это целый мир боли и радости, это драгоценная мечта, это и его возлюбленная. В ней поэт находит отдохновение и защиту: «Өлеңім тербеп ойымды» («Поэзия убаюкивает мои мысли»).

Полноту понимания поэзии как дара можно осознать, обратившись и к поэтическому осмыслению личности поэта, ее роли в рождении высокого искусства слова. Именно личность поэта определяет магическую силу поэзии, силу ее воздействия на читателя. Макаатаев верит, что поэзия, рожденная настоящим поэтом, способна заставить заговорить немого, услышать глухого и прозреть слепого. Гражданская миссия истинного поэта заключается в том, чтобы его безупречно честные и чистые стихи, соединив в себе мед и яд, могли защитить вдов и сирот, заставили раскаяться тех, кто совершает зло (стихотворение «Туады, туады әлі нағыз ақын...» – «Родится еще, родится настоящий поэт...»). Путь поэта – это тяжелый и долгий путь, сочетающий в себе одновременно лишения и веру в мечту, разочарования и надежды, гнев и смирение. Это бесконечный путь преодоления высоких гор и бесконечных степей, путь успеха и падений. Его может пройти только тот, кто способен остаться верным себе и своей нелегкой судьбе. Макаатаев, характеризуя судьбу поэта, прибегает к жесткому, но очень точному сравнению:

Кенезең кепкенде бір, лай суға
Кез келген мақұлықпен таласасың.
(«Өлең деген тумайды жайшылықта...»)

Когда одолеет жажда, даже за грязную воду
Станешь драться с каждой встречной тварью.
(«Поэзия не родится понапрасну...»)

Звучащие в этой фразе горечь и отчаяние, испытываемые Макаатаевым в середине 60-х годов, объяснялись и личными невзгодами, и публичной травлей. А ведь это было время наступления его настоящего триумфа, когда его поэтический голос обрел мощь и индивидуальную неповторимость.

В 1968 году Макаатаев пишет стихотворение «Поэзия», являющееся вершиной его творчества, в котором органически соединились глубина макаатаевской мысли и виртуозность поэтического исполнения. Это своеобразная декларация единства поэта и поэзии, поиска поэтом поэзии в окружающем мире, перечисление источников, порождающих поэзию. «Всевозможные программные манифесты,

программные стихотворения о поэте и поэзии» коррелируют с «рефлексией творчества» [15; 129].

Стихотворение состоит из 25 строк и держится на эстетике повтора, являющегося основным стратегическим приемом организации данного текста. Бинарная пара «мен – сен» («я – ты») составляет между собой смысловое единство и равенство «егіз» («близнецы»). И она, пунктирно проходя через все стихотворение, словно «сшивает» его.

Зачин стихотворения имеет выразительную графическую форму. Обращение в форме назывного предложения «Поэзия!» выделено тем, что оно занимает позицию графического пространства целого полустушия, «чем стремится к повышению ритмико-интонационной самостоятельности, выделенности» [2; 370]. И. И. Ковтунова говорит о повышении уровня предикативности текста за счет номинативных предложений [10; 153]. Графически выделенные первые две строки стихотворения, обращая на себя внимание, задают движение последующему декламационному стиху, графически однородному и построенному на системе повторов, группирующихся между собой. Завершают стихотворение две вновь деформированные строки, происходит выбивание из инерции заданной формы основного объема стихотворных строк. Нарушение графического порядка и является формой акцентирования внимания на главной мысли о том, что поэт и поэзия – близнецы.

Начало: 1. Поэзия!

Менімен егіз бе едің?

2. Сен мені сезесің бе,
неге іздедім?

24. Сені іздедім.

Іздеймін, тағат бар ма?

25. Сені маған егіз ғып жаратқан ба?!

1. Поэзия!

Не ты ли мой близнец?

2. Чувствуешь ли ты меня,
зачем искал?

24. Искал тебя.

Ищу, хватит ли терпения?

25. Не ты ли создана близнецом для меня?!

В этой кольцевой композиции, начало и конец которой фиксируются словом «мен» («я»), встречающемся в тексте трижды, находится целый калейдоскоп повторов. Частотным в указанной выше паре является слово «сен / сені» («ты / тебя») – 13 словоупотреблений. Через весь текст рефреном (6 случаев) проходит фраза «сені іздедім» («тебя искал»), при этом само слово іздедім («искал») встречается 17 раз. Фраза «сені іздедім» звучит как заклинание и относится к ораторскому приему настойчивого напоминания лирического субъекта о себе. Лирический герой-поэт, внимательно вглядываясь, ищет поэзию в огромном космосе бытия, состоящем из двух миров: антропоморфного и природного. Об-

разы, составляющие эти миры, нанизываясь один на другой, насчитывают до 35 наименований. Поэзия присутствует во всем: в любви, тоске и мечтах, в ливне и облаках, грозах и радуге. Время является таким же источником поэзии, как мир друзей и врагов. Все перечисляемые образы, участвуя в формировании структурообразующей доминанты повтора, относятся к категории как материальной, так и нематериальной – к области чувств и переживаний.

Соединение синтаксически повторяющихся звеньев (от повтора однородных слов до целых предложений), так называемый «принцип интонационно-синтаксической стереотипии» [6; 80], способствует однообразию звучания стиха и создает иллюзию эмоционально-смысловой монотонности. Насыщенная кумуляция грамматически сходных слов создает особое эмоциональное напряжение и семантический видеоряд с указанием возможных мест обитания поэзии: «адамдардан, / Бұлақтардан, бақтардан, аландардан. / Шырақтардан, оттардан, жалаулардан» («среди людей, / В родниках, в садах, на площадях. / В лучах, в огнях, во флагах») или «Күннен, түннен, гүлдердің бүршігінен. / Қуаныштан, түршігу-күрсінуден» («В свете дня, в тиши ночи, в бутонах цветов. / В радости, содрогании, вздохе»).

Напряжение создает и такая фигура повтора, как синтаксический параллелизм:

Алауыртқан таңдардан сені іздедім,
Қарауытқан таулардан сені іздедім.

В алеющих зорях тебя искал,
В чернеющих горах тебя искал.

Мир, порождающий поэзию, передается поименованной красочной палитрой («алауыртқан» – «алеющих», «қарауытқан» – «чернеющих», «ақша» – «беловатых», «қызыл-жасыл» – «красно-зеленый», «ақ – белый») и метонимически замещенной («бақтардан» – «в садах», «шырақтардан» – «в лучах», «оттардан» – «в огнях», «жалаулардан» – «во флагах», «шұғыла» – «радуга», «көкжиек» – «горизонт»). Этот мир полон звуков, источниками которых могут быть звенящий родник и залпы орудий, человеческий вздох и биение сердца.

Наращение чувства, заключенного в прямом обращении лирического субъекта к адресату в лице поэзии, оформлено в форме «тирадного стиха» (термин – З. Ахметова). Иллюзия речи без перерыва создается метро-ритмическим сочетанием одиннадцатисложника с двенадцатисложником, подкрепленного многократным повтором рифмы. «В казахском языке много рифмующихся слов. В силу особенностей самого языка рифма в казахской поэзии требует близкого сходства слов. Казахский язык позволяет без ограничения пользоваться такими рифмами» [2; 425]: «адамдардан» – «аландардан» – «жалаулардан» – «замандардан»; «қасымнан да» – «жасыннан да»; «ашылғанда» – «шашылғанда».

Построение стихотворения Макатаева и его смысловая составляющая вызывают в нашей памяти имена трех поэтов.

Б. Пастернак считал, что источником поэзии является природа: «Искусство реалистично как деятельность и символично как факт. Оно реалистично тем, что не само выдумало метафору, а нашло ее в природе и свято воспроизвело» [22;

174]. В стихотворении «Определение поэзии» (1917) [21; 88] им обозначен целый ряд понятий мира природы, участвующих в рождении поэзии и находящихся в схожих синтаксических конструкциях:

Это – круто налившийся свист,
 Это – щелканье сдавленных льдинок,
 Это – ночь, леденящая лист,
 Это – двух соловьев поединок.

Это – сладкий заглохший горох,
 Это – слезы вселенной в лопатках,
 Это – с пультов и с флейт – Фигаро
 Низвергается градом на грядку.

В стихотворении «Весна» (1914) поэт XX века, обращаясь к поэзии, предлагает ей вбирать в себя «облака и овраги», которые станут материалом для стихотворений: «А ночью, поэзия, я тебя выжму / Во здравие жадной бумаги».

Эти «странные сближенья» между Пастернаком и Макаатаевым подкрепляются и тем фактом, что для них обоих поэт и поэзия – это близнецы. Вспомним, что первая книга стихов 1914 года русского поэта имела название «Близнец в тучах».

В 1928 году Б. Я. Бухштаб в статье «Лирика Пастернака» отметил, что для молодого поэта свойственна речь «взахлеб», создаваемая перечислительной интонацией повтора [5]. Прием многократного, эмоционально и семантически нарастающего повтора является в целом излюбленным приемом поэзии и генетически связан с фольклором. И. Ф. Амроян в работе «Повтор в структуре фольклорного текста» [1] говорит о том, что «повтор является одним из наиболее архаичных приемов формирования структуры фольклорного текста. В основе данного приема (его разновидностей) лежат особенности мышления человека, отображенные в синтаксических конструкциях языка, а также в способах передачи информации, которые отражаются абстрактными моделями связного текста. Повтор – явление универсальное, охватывающее все уровни организации фольклорного текста – языковой, стилевой, ритмический, формальный, сюжетный» [1]. В поэтических текстах очевидно присутствие памяти данного приема. В них повтор становится «матрицей структурообразования текста, отличного от первичного фольклорного текста» [1].

Яркий пример создания многообразных цепочек повтора являет собой поэзия казахского поэта И. Жансугурова. В приводимом ниже отрывке из поэмы «Дала» («Степь») [7; 142] природа присутствует в таком количественном и качественном объеме, что позволяет ее звукам трансформироваться в голос поэзии:

Терісінен, оңынан,
 Таудан, құздан, даладан,
 Құмнан, судан, қоңырдан,
 Өзен, орман, қамыстан
 Тау селіндей күңірене,
 Қыр желіндей ескектей,

Көшкен елдей үдере
Келді дауыс алыстан...

Слева, справа,
С гор, со скал, из степи,
Из песков, воды, глины,
Рек, лесов, камышей
Гудящий как горный поток,
Как веющий горный ветер,
Как кочующий народ, ликуя
Пришел голос издалека...

Целенаправленный повтор в рамках одного текста определенных абстрактных моделей связного текста – редупликация – характерна для поэзии И. Бродского, о чем свидетельствует цитируемый фрагмент из стихотворения «Большая элегия Джону Донну» (1963) [4; 11–12]:

Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.
И каждый стих с другим, как близкий брат,
хоть шепчет другу друг: чуть-чуть подвинься.
Но каждый так далек от райских врат,
так беден, пуст, так чист, что в них – единство.
Все строки спят. Спит ямбов строгий свод.
Хореи спят, как стражи, слева, справа.
И спит виденье в них летейских вод.
И крепко спит за ним другое – слава.

Мы позволили себе процитировать достаточно объемные фрагменты из поэзии трех больших поэтов XX века с той целью, чтобы показать сходство их отношения к поэзии, миру природы и сходство самовыражения в виде самых разнообразных повторов. Сравнение с ними анализируемого стихотворения Макатаева позволяет говорить о наличии типологического сходства. Оно свидетельствует о том, что его поэзия находится в одном русле поисков поэзии XX века и органично «встраивается» в мировой поэтический контекст. Благодаря разнообразию повторов, становящихся стратегически важным художественно-выразительным приемом, Пастернак, Жансугуров, Бродский и Макатаев каскадами природных образов формируют «многогранное, синкретически универсальное суммарное образное единство» [15; 63], порождающее поэзию.

Эстетическая и онтологическая значимость повторов, основанных на перечислении реалий природы при воспроизведении процесса поэтической рефлексии творчества, восходит к Пушкину. Вспомним «Евгения Онегина» и, в частности, описание того, как влюбленный поэт Ленский находит созвучие своим чувствам в природе [26; 39–40]:

Он рощи полюбил густые,
 Уединенье, тишину,
 И ночь, и звезды, и луну,
 Луну, небесную лампаду,
 Которой посвящали мы
 Прогулки средь вечерней тьмы,
 И слезы, тайных мук отраду...

Пушкинская идеология понимания творчества, назначения поэта и поэзии во многом определила художественное мировоззрение Макаатаева. Казахский поэт считает, что поэтом быть интересно и ответственно. Но поэт смертен, а поэзия – бессмертна: «Өлеңім, мен өлсем де, сен тірі бол!» («Поэзия моя, если даже я умру – ты живи!»). Тема конечности поэта и бессмертия поэзии восходит к Пушкину, его «Памятнику» (1836): «душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит», где гарантией бессмертия самого поэта служит признание народа: «К нему не зарастет народная тропа». Так же, как и Пушкин, Макаатаев видит предназначение поэта в служении народу:

Көгере бер мәңгілік сен, өлеңім!..
 Жырсыз өмірге не керегім,
 Жырдан басқа жұртыма не беремін?
 («О, Муза!»)

Цвети вечно, моя поэзия!..
 Зачем я жизни нужен без стихов,
 Что я могу дать своему народу, кроме поэзии?

Тема творчества, назначения поэта и поэзии роднит лирику Макаатаева с высочайшими образцами мировой поэзии XIX века – Пушкина и Абая, и XX века – Жансугурова, Пастернака и Бродского.

«НЕ ОТДЕЛЯЙТЕ МЕНЯ ОТ МОИХ СТИХОТВОРЕНИЙ»

За двадцатилетие напряженной работы в литературе М. Макаатаев оставил большое наследие, которое нашло отражение в четырехтомном собрании сочинений: М. Макаатаев «Шығармаларының төрт томдық толық жинағы» [16–19], подготовленном редактором О. Аскараром при непосредственном участии супруги поэта – Л. Азимжановой (Азимжанкызы). В данном издании сделана попытка представить полностью творчество поэта, осуществлена систематизация материалов рукописей и прижизненных публикаций. Издатели достигли поставленной цели: читатели Макаатаева получили возможность познакомиться с его творчеством в максимальной приближенности к полному объему.

Особое внимание в четырехтомнике привлекают впервые опубликованные дневники поэта [18; 358–421].

Каким же человеком был поэт Мукагали Макаатаев? Добрый и искренний, скромный и дерзкий, наивный и щедрый, открытый и простой, прямолинейный и справедливый, он часто повторял: «Люди рождаются для того, чтобы

понимать друг друга, жить в мире». Он любил людей и мог с каждым найти общий язык. Он всегда стремился прийти на помощь. Редактор многих стихотворных книг Макаатаева и цитируемого четырехтомника О. Аскар в своих воспоминаниях рассказал о том, как Мукагали, случайно узнав о болезни его <Оразақына> матери, ночью на подводе привез врача из соседнего колхозного отделения. Это был первый день знакомства Аскара с поэтом – 7 ноября 1955 года.

Работая в журнале «Жұлдыз», в совете по делам молодежи, Макаатаев стремился оказать помощь начинающим поэтам. А. Акпанбетов вспоминает, какое деятельное участие принял известный поэт в том, чтобы познакомить его с редакторами известных журналов и попытаться опубликовать его первые стихотворения. Мукагали очень любил молодежь. Постоянно интересовался их делами и творчеством, опекал их по мере возможности. Были они и частыми гостями в доме Макаатаевых. Встреча с поэтом сыграла значительную роль в судьбе Ш. Абдибекова, С. Даутова, Д. Досжанова, Ш. Ерманова, М. Жомартбека.

В 1967 году А. Абдикалыков по рекомендации друга и земляка поэта Е. Ибитанова познакомился с Макаатаевым, когда приехал в Алма-Ату поступать в КазГУ. Макаатаев, невзирая на занятость, пошел с ним сдавать документы в приемную комиссию. Спустя несколько лет, вновь встретившись в столице, они искали в книжных магазинах для Абдикалыкова только что вышедшую книгу стихов Макаатаева «Дариға жүрек». Что больше всего поразило молодого человека в поэте? Внимание и неподдельный интерес к людям или отзывчивость поэта, его человеческая открытость и простота? Для Абдикалыкова в этой ситуации важным было удивительное открытие: «Сердце великого поэта было по-детски чистым».

Этой чистотой определялся весь мир Макаатаева, отразившийся и в дневниках поэта.

Усилившийся в последнее время интерес к дневниковому жанру отразился и в казахстанском литературоведении. Свидетельствует об этом диссертационное исследование Д. М. Поляк – «Жанр дневника и проблемы его типологии» [24]. Дневник – жанр, который представляет собой структурно-семантический комплекс, обладающий целым рядом отличительных признаков. К ним исследовательница относит содержательные (предмет изображения, позиция автора, жанровая синкретичность), формально-композиционные (датируемость, регулярность, дискретность, лаконизм), общежанровые (автокоммуникативность, синхронность описываемому событию) [24; 12].

Фактор теоретической актуальности и практической ценности дневников Макаатаева стал причиной нашего обращения к ним. Они содержат «вспомогательный, источниковедческий материал для изучения биографии писателя и частных историко-литературных проблем» [24; 4]. Опираясь на теоретические разработки Д. М. Поляк, попытаемся произвести структурно-семантическую систематизацию дневниковых записей выдающегося казахского поэта второй половины XX века.

В конце третьего тома ПСС Макаатаева есть раздел под названием «Күнделіктер» – «Дневники», которые, различаясь по структуре и семантике, отчетливо делятся на две жанровые разновидности. Первая [18; 358–401], представляя собой целостную, завершенную форму, в большей степени соответствует классическому типу дневника, т. н. «собственно дневник». Во второй [18; 401–421] наблюдаются

элементы жанровой неоднородности, т. к. наряду с немногочисленными записями традиционно дневникового содержания в него включены заявление, письмо, различного рода отрывки, черновые наброски и история создания некоторых произведений, творческие планы и отчет о написанном. Большой упор сделан на фиксирование написанного или запланированного. По своей сути эта форма относится к жанру гибридного дневника.

Начало дневнику Макатаева классического типа было положено осенью 1952 года. Последняя же запись в нем сделана за месяц до кончины поэта – 28 февраля 1976 года. В общей сложности обращение к дневнику занимает достаточно большой промежуток – 23 года, 10 месяцев, 3 дня. Но, к сожалению, записей очень мало⁵. С учетом главного дневникового признака – датируемости – насчитывается всего 57 записей, при этом они имеют нерегулярный характер. После трех записей 1952–1953 гг. очередная появляется только через 20 лет – в 1972 году.

Первоначально записи ведутся на казахском языке. О важности самой первой из них говорит наличие названия – «Түс» («Сон») и указание точного времени написания: 6 часов утра в ночь с 3 на 4 ноября 1952 года. В конце этого же года, возможно, даже в это же время, Макатаевым написано одноименное стихотворение «Түс». Дублирование одного и того же события и в дневнике, и в поэзии наводит на мысль, что происшедшее глубоко запало в душу поэта. Известный казахстанский ученый В. В. Савельева, занимающаяся проблемами онейропоэтики, объясняет этот феномен следующим образом: «Сон персонажа в художественном произведении несомненно связан с представлениями о его внутреннем мире, с его душевной жизнью и глубинной жизнью его архетипического бессознательного (Самости, Анимы, Анимуса, Тени), а также жизнью его Оно» [28; 19].

В стихотворении присутствуют реалии названной дневниковой записи: «Оянсам, түсім, таң атты» («Проснулся, а это сон, рассвело»). Переключки между дневниковой записью и стихотворением свидетельствуют о том, что сон ранил душу поэта и стал причиной грустных раздумий о себе и своей семье. Оскорбительная фраза, услышанная во сне от одного из родственников: «Қойшының баласына біткен мінездері бар» («У него есть черты характера, свойственные сыну пастуха»), по всей видимости, где-то уже витала в воздухе. «Мен мұны ұмытпаймын. Өңімде, өмірде айтпағаныңмен, түсімде айтып үлгердің. Рахмет» («Я этого не забуду. Хоть ты и не говорил мне об этом наяву, в жизни, то все-таки успел сказать во сне. Спасибо»).

«Иносказательность является важнейшей установкой не только содержания, но и сущности сновидения» [28; 25]. Ею определяется выдуманный (онейрический) и реальный сны Макатаева, которые можно сравнить «с сакральным текстом, загадкой, притчей, идеологемой» [28; 24]. Притчей в двухмерном, житейско-художественном исполнении Макатаев подчеркивает силу переживаемого им чувства – чувства обиды. Не об этом ли пишет известный современный филолог-культуролог В. Руднев?! Занимаясь интерпретацией текста с точки зрения психоанализа, он утверждает, что «смысл текста – это потаенная травма, пережитая автором. Тем сложнее текст, чем глубже травма, чем она серьезнее» [27; 255].

⁵ Исследуемый дневник принят нами за абсолютный показатель, так как составители не оговаривают, насколько в нем при публикации был полно представлен материал. Только несколько раз появляется замечание редактора о том, что в дневнике вырваны целые страницы.

Как не вспомнить здесь о том, что творчество нередко своим рождением обязано чувству обиды. Благодаря воспоминаниям Нагиман Батанкызы – матери поэта – известно, что Макатаев начал писать стихи с 14–15 лет, а также, что в 1952 года в сборнике молодых поэтов были впервые опубликованы его стихотворения. Но именно конец 1952 – начало 1953 года знаменуются тем, что в жизни Макатаева ни в бытовом плане, ни в профессиональном, ни в творческом не было еще никакой определенности. Живя в Алма-Ате, вдали от своей семьи и родного дома, он испытывает чувство вины перед памятью умершей бабушки Тиын, которая воспитывала его с детства, перед матерью, перед «своим обветшавшим домом» («...менің тозған үйім»). В этом смысле обида упала на благодатную почву.

Записи этого периода отличаются не только тем, что, как уже говорилось, обнаруживается единственная на всем дневниковом пространстве номинированная запись, но именно здесь первый и последний раз появляется стихотворный текст – запись от ноября 1953 года. В последующем Макатаев будет ограничиваться лишь констатацией того, что сделано или что надо сделать⁶.

«1972-жыл 9-ноябрьден 28-ноябрьге дейін цикл өлеңдер жазылды» («С 9 ноября 1972 года по 28 ноября был написан поэтический цикл»).

«Келесі жылы жаңа жинағым жарық көре ме, жоқ па?» («Увидит ли свет или нет в следующем году мой новый сборник?»).

«28 февраля 1976 г. Если бы не болезнь, этот год для меня начался неплохо. “Избранные” – “Өмірдастан” (“Жизнь-поэма”) тиражом 15 тысяч; весьма неплохо. По содержанию, по тематике меня удовлетворяет».

Две большие записи от ноября 1972 года и от февраля 1975 содержат подсчет поэтических тетрадей, написанных за определенный период. Дано содержание тетрадей № 3 и № 4 от 1975 г.

В количественном соотношении записей с 1972 по 1976 годы выясняется, что в 1973 и 1974 году поэт наиболее часто обращался к дневнику. Восемь записей 1976 года приходятся только на первые два месяца года. Все же 54 записи этого периода показывают, что пишущим выдерживается один из главных признаков дневника – датируемость: мы словно по дням-вехам узнаем о последних годах жизни поэта.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в эти же годы появляется первая запись на русском языке. Здесь важно помнить, что «синтаксическая однотипность высказывания на тюркском языке нашла такое воплощение на русском языке через те его возможности, которые более всего подходят для передачи казахских речевых средств» [3; 48]. Названная запись относится ко 2 апреля 1972 года: «В жизни не знаю, в поэзии не врать!!!». Впоследствии, начиная с 1 января 1974 года, дневниковые записи ведутся в основном на русском языке. Причина этого явления заключается, вероятно, в том, что Макатаев осенью 1973 года непродолжительное время жил в Москве, где учился в Литературном институте им. Горького. Возможно, это объясняется и любовью к русской словесности, в частности, к поэзии Пушкина и Блока, имена которых наряду с Лермонтовым, Некрасовым, Л. Толстым, Чеховым встречаются в дневнике. Прочитируем одну из записей: «2-апрель 1972-ж. Апырмай, Пушкин-ай, соншаның бәрін қашан

⁶ Этот факт, вероятно, объясняется тем, что роль регистратора воплощений творческих замыслов поэта в большей степени отводилась гибриднему дневнику.

жазып үлгерди екен» («Да-а, ай да Пушкин, когда он успел все это написать»). Или обратимся к другой: «26 января 1974 г. Я отношусь к Блоку как к полубогу. <...> Он выше своей поэзии. Очень культурная, серьезная поэзия у него. Блок – разочарованная душа. А его «Двенадцать» – крик (вроде «Реквиема» Моцарта) мятежной души. «Возмездие» его – это плач целой эпохи, целого поколения. Блок напоминает мне орла. Он парит высоко-высоко, хочет и не хочет садиться на эту грешную землю. Если бы не закон тяготения, возможно, он остался бы на небе. Вся его жизнь напоминает “Коршуна” своего».

Третья причина скорее имела характер подсознательного протеста: нежелание говорить на одном языке с людьми, которые унижали поэта, создавали ему невыносимую жизнь. И руководила ими, по всей видимости, простая человеческая зависть. Осуждая Макаатаева за недостойное поведение в быту и исключая его за это из партии и Союза писателей, люди, травившие поэта, переводили существо вопроса в другое русло. Вместо признания бесспорности того, что Макаатаев – большой и талантливый поэт, поэт от Бога, они уличали его в пьянстве, в недостойном поведении. Не о них ли пишет поэт в дневниковой записи: «1 октября 1974 г. Нынче талантливые люди в литературе мало играют роль. Теперешней нашей литературе нужны послушные холопы. Они, конечно, “борозды не портят”. Существующие правила их вполне удовлетворяют. С разрешения пишут, работают, кушают и ходят. Они дисциплинированы. Еще бы, когда талант рвется, хочет своей дорогой двигаться и сбивается с дороги, что-нибудь да натворит, те холопы тут как тут. Бессовестные, они готовы заменить таланта, и представьте. “заменяют”. Занимают посты и командуют над талантами. О, как горько! Горче не бывает...».

Все происходящее приносило Макаатаеву глубокие страдания. Доказательством тому служат еще две записи из дневника поэта.

«27 января 1974 г. Будь ты проклята, моя поэтическая судьба! Будь ты трижды проклята, среда, окружающая меня! Среда, которой душой и сердцем я отдался, поверил, надеялся на лучшее. Коротая свои униженные дни, дни, которые ничего мне не принесли, кроме горечи да страданий. Теперь-то я понял, что нет человека на свете несчастнее меня».

«21 сентября 1974 г. Все мне чуждо, отвратительно, омерзительно! Я давным-давно перестал понимать, кто мне друг, кто враг. Нет! Нет у меня друзей! Вижу только со всех сторон сползающих осьминогов к себе. Могу ли отбиваться, не знаю».

Дневники Макаатаева фиксируют не только мысли поэта, факты из его жизни, но содержат в себе с теоретической точки зрения благодатный материал. На их примере можно проследить как жанровые особенности дневника, так и их эволюцию. О факторе жанровой эволюции говорит появившийся в 70-е годы указанный выше языковой билингвизм. В 1973 году наблюдается и такой вид записи, которую условно можно назвать «дискретной». Это запись, датируемая одним днем и состоящая из нескольких отдельных фрагментов, которые разделяются просто пробелами или пробелами с звездочками. Дискретная запись чаще представляет собой продолжение и развитие важных для поэта мыслей или переход к другой мысли, смену настроений. К примеру, записи от 25 мая и 29 мая 1974 года содержат в себе по три записи-пунктира. В соответствии с жанром дневниковые записи Макаатаева еще в самом начале имеют лаконичную форму,

но постепенно на смену им приходят объемные записи, что «связано с тематикой записей (философское постижение мира)» [24; 14]. Одним из способов создания объемных записей является дискретная.

Вернемся к моменту нового всплеска дневниковых записей в 70-х годах. С чем же приходит поэт после двадцатилетнего перерыва к своему дневнику? К началу 1972 года Макаатаев уже десять лет как живет с семьей в Алма-Ате, является автором таких широко известных стихотворных книг, как «Армысындар достарым» («Приветствую вас, друзья»), «Қарлығашым, келдің бе?» («Ласточка моя, ты прилетела?»), «Дариға жүрек» («Ах, сердце») и др. К нему приходят великая слава, признание и любовь читателей, и одновременно на его долю выпадают горькие испытания судьбы. Это смерть дочери, ощущение человеческой неустроенности, отсутствие работы («7 декабрь 1973-ж. Жұмыссыз жүргеніме жаңа жылда бір жыл толады») («В новом году исполнится год, как я хожу без работы»). Продолжают этот ряд и проблемы с младшим сыном Айбаром, травля в писательских кругах («2 май 1974-ж. «Соншама не істеп қойдым бұларға?» – «Что же такого я сделал им?»), неоднократная попытка самоубийства («Талай рет мойныма арқан салып, / Талай рет шақ қалдым жындануға» – «Много раз закидывал на шею петлю, / Много раз чуть не сходил с ума»). Все это усугубляла безысходность, связанная с неизлечимой страшной болезнью. Благодаря дневникам Макаатаева можно понять всю глубину одиночества и ощущения загнанности в угол, о чем свидетельствуют фрагменты из двух дискретных записей.

«19 декабрь 1973-ж. Мүлде бір жат ортаға душар болған жандаймын. Ешкімге залал істемеп едім ғой, неге бәрі сырт тебеді?!» («Я словно тот человек, который встретился с совершенно враждебной средой. Я никому не причинил вреда, почему же все пытаются повернуться ко мне спиной?!»).

«10 июня 1974 г. Как поэта, волей-неволей, меня понимают люди, а как человека едва ли кто понимает, даже самые близкие мне. Так поймите же, я родился Человеком и останусь им, а поэтом я стал, понимаете, стал, т. е. ...».

В поэзии существует понятие «лирический герой», который служит передаче авторского образа и является одним из способов раскрытия авторского сознания. Лирический герой – художественный «двойник» автора-поэта. Согласно этому какие-то «неудобные» вещи можно списать на счет лирического героя. В дневнике предметом изображения становится собственная личность автора. Открыто выраженное личностное начало, по мнению Д. М. Поляк, является причиной возникновения таких факторов, как авторская рефлексия, установка на искренность, исповедальность, интимность, психологическую достоверность [24; 13]. Нам хотелось бы сказать и о роли читателя. Отсутствие посредника между автором и читателем сокращает дистанцию между ними: возникает такое ощущение, что читатель вживую прикасается к обнаженной душе автора дневника, становится свидетелем и соучастником происходящего.

Эффект от дневниковых записей Макаатаева 1972–1976 годов обладает именно этой удивительной силой. Кажется, что ты вместе с ним переживаешь его боли, разочарования. Читателя охватывает отчаяние от невозможности помочь, когда из уст поэта он слышит следующее признание: «Враги мои беспрестанно наступают. Они готовы уничтожить меня. Если кто-нибудь скажет, отдав ружье одному: «стреляй в него», – то тот или иной, не дрогнувшей рукой, готов сию же минуту убить меня: меня – любившего весь род человеческий, не сделавшего никому зла».

Только страдания вызывает запись от 2 мая 1974 года, в которой поэт говорит о том, что его неоднократно сдавали в милицию, где он пытался покончить жизнь самоубийством. Спасла его от этого шага мысль о детях.

Знакомясь с записями иного характера, касающимися в основном творчества, оказываешься свидетелем радостей и открытий Макаатаева. Исследователь документальных жанров казахстанской литературы отмечает не только документальную достоверность, но и высокую художественность жанра макаатаевского дневника [25; 2010]. Сокровенные мысли поэта-философа, поэта-патриота, присутствующая в его записях неиссякаемая любовь к родной земле, к своему народу потрясают воображение и производят мощные сдвиги в привычном сознании, в понимании того, что такое Родина и народ.

«22 февраль 1973 ж. Ойлап отырсам, менде бір арман бар екен. Ол – қалайда халқыма жағыну, ұнау соған. Тек соған ғана жасырмай шынымды айтсам деп едім. Халқым, үнімді қалай жеткізем саған?..» («Задумавшись, понимаю, что у меня есть одна мечта. Это – хоть как угодить своему народу, быть любимым им. Только ему без утайки рассказать всю свою правду. Народ мой, как донесу до тебя свой голос?»). Искренность этих слов подтверждает и сама поэзия Макаатаева:

Өлең – менің бар тынысым,
Жақсы сөзім – жаны игі халқым үшін.
(«Адамды адам түсінбеу...»)

Поэзия – это вся моя жизнь,
Добрые слова – моему добродушному народу.
(«Непонимание человека человеком...»)

В дневниках Макаатаева чаще встречаются записи, синхронные происходящим событиям, – день в день. Наблюдаются также записи хронологически дистанцированные, когда дневниковую запись и описываемое событие разделяет время. Например, «21 апрель 1973 ж. 18-апрельде Сәбит Мұқанов қайтыс болды. Ертең (22-сі) жерленбекші. Егер бұрынғылардың айтқаны рас болса, енді екінші, нағыз шын өмірі басталатын адам осы Сәбең болуға тиісті. <...> Сәбит – үлкен дүние. Өзі – Өмір. <...> Бұл қазақтың Бальзагі» («18 апреля умер Сабит Муканов. Хоронить будут завтра (22-го). Если то, что говорили наши предки правда, то вторая, настоящая жизнь суждена такому человеку, как Сабен. <...> Сабит – огромная вселенная. Он – сама Жизнь. <...> Он – казахский Бальзак»). Возникшая хронологическая дистанция между реально происшедшим событием и временем записи способствовала приближению к моменту истины. Находясь между прошлым и будущим, Макаатаев словно отстраняется от времени и приходит к истинному пониманию того, какой величиной в действительности был выдающийся казахский писатель Сабит Муканов.

Дневник Макаатаева представляет собой разные стороны жизни поэта, его мысли и чувства, реальные события и состояние души. Это все в совокупности можно обозначить как человеческое бытие. Информация, звучащая из первых уст, позволяет по-настоящему проникнуться судьбой поэта, так как больше и точнее, чем он сам – автор дневника – о пережитом никто не сможет рассказать. Прекрасно понимал это и Макаатаев:

«14 февраля 1976 г. ...я через своего «Я», не утаивая, в стихах вел летопись своей жизни. Тут и горести и радости моей души, которые я думаю, должно отражаться в чужих сердцах. И так, друзья, все мое творение – это лишь только одна целая поэма. Поэма о жизни и смерти, о переживании и радости человека. Если не верите, попробуйте-ка собрать все мои стихотворения и составить сборник».

Понятие «собрать все» предполагает обращение и к дневникам как особой письменной форме воплощения автобиографии и способа выражения «я» поэта, его личности. Чем жил Макатаев, что волновало его, о чем он думал? Что заставляло его обращаться к дневнику и исповедоваться? Ведь этот разговор наедине с собой требовал откровенности, искренности и огромной работы души.

Попытаемся прикоснуться к сокровенному миру чувств и мыслей поэта, выделив наиболее выразительные с точки зрения откровений и открытий размышления Макатаева. Особую ценность, как нам кажется, представляет развитие в дневниках поэта трех тем: 1) понимание Макатаевым поэзии в целом; 2) рассуждения о роли поэта; 3) откровения о себе и своей поэзии. В дневниковых выдержках, составляющих названные три темы, заложена макатаевская философия творчества, осмысление которой будет способствовать более глубокому пониманию его поэзии и сотворенной им поэтической картины мира.

О поэзии

«Поэзия махаббаттан басталып, парасатпен аякталуы тиісті...» («Поэзия, начинаясь с чувства, должна заканчиваться здравомыслием...»).

«...Поэзия – ғылым. <...> Адам сезімін жан-жақты зерттейтін құдірет болса, ол тек – поэзия» («Поэзия – наука. Если и есть сила, исследующая человеческие чувства всесторонне, то это – только поэзия»).

«Мнимое переживание, мнимая любовь и радость, мнимый патриотизм и т. д. – враг поэзии».

«В одно я твердо верю, что поэзия умрет вместе с естеством, т. е. с человеком и природой. Пусть очерствеет душа человечества, все равно останется один разумный человек. Тот – поэт. Последнее слово за ним».

«...поэзия не журналистика, а поэт не журналист, чтобы бегать за каждой сенсационной случайностью».

«У кого не существует Дух, может удалиться от поэзии, нечего ему делать на этом поприще...»

«Стихотворения прежде всего напряженнейший труд, труд кропотливый, нервный».

О поэте

«Да, все проходят через сердце поэта».

«Обязанность поэта не обрисовать, не описывать, а раскрыть тайну красоты, что именно спрятано за этой красотой. Как опытный диагностик, современный поэт должен нащупывать пульс времени, должен болеть болезнью эпохи, общества».

«Что должен иметь поэт, чтобы быть поэтом?»

Первое: талант. Талант с образованием, с эрудицией (диплом не обязательно).

Второе: совесть, чтобы стыдиться самому перед собою, прочтя слабые вещи.

Третье: Простоту. Пусть не гениальную, как у Пушкина и Абая, но простоту человеческую, чтобы быть понятным другим. Не умничать, не рассуждать, а воспевать.

Четвертое: Интуицию. Чего не видят другие, увидеть и познать.

Пятое: Труд, чтобы постоянно совершенствоваться.

Шестое: Дух. Всегда держать себя духовно богатым».

О себе и своей поэзии

«Жырсыз өткен күндер – мен үшін өлі күндер. Тәңірдің бұл алданышты қиғанына да құлдық. Поэзия болмаса қайтер едім?! Ақынның өз мемлекеті, өз қоғамы, өз дүниесі бар. Бұл аз дүние емес. Демек, мен сол үшін өмір сүрем, сол үшін күресем» («Дни без стихов – для меня мертвые дни. Хвала Всевышнему, давшему мне это утешение в жизни. У поэта есть свое государство, свое общество, своя вселенная. Это немало. Значит, я ради этого живу, ради этого борюсь»).

«1 января 1974-жыл. ...Старался быть простым, а оказался простаком. <...> Нельзя, храни свое достоинство! Береги имя поэта, ибо ты истинный поэт, будь достоин того! Будь простым, как сама природа, но и будь непреклонным, как она. Ты отличаешься от современников. Чем не скажу... Так будь же гордым! Выше голову, брат!...».

«3 января 1974 г. В своем творчестве, где слаб, где силен, я прекрасно понимаю сам. Где я слаб – не моя вина, а где силен – это не заслуга среды, в которой я жил. Не заслуга времени, при котором я находился в вечном опасении, вечно контролируя сам себя.

Нынче трудно быть поэтом...».

«Сегодня, 27 января 1974 г. написана поэма под названием «Чили, свет мой!» за один присест, без перерыва, без единой помарки, с 10 утра до 12 ночи. Попробуйте-ка сразиться со мной...».

«Я не исследователь, а поэт. Горечи и радости людские меня интересуют больше, чем сам человек. Плох ли, хорош ли он, не мне рассуждать, ибо сам отношусь к отряду таковых... Меня увлекают судьбы людские, окружающая их действительность, время, в котором они живут, общество, которое управляет ими...».

«Все равно, последнее слово останется за мной. Надо же, в конце концов, допеть лебединую песню».

«Понимая людей, сам хочу быть понятым. Вот она – суть всей моей поэзии. Для меня поэзия – крик души. Больше ничего...».

«Я не привык писать стихи урывками, когда как, где попало. Нет! Поэзия – это порыв души. Когда порыв появляется, надо сидеть, не отрываясь от работы. Кому как, а я не встану, пока не иссушу, не выжму все соки вдохновения. Болезнь болезнью, но работалось отлично. Иногда даже оно (творчество) исцеляет меня от всех недугов».

«Удивительно то, что написанные мною 10–20 лет тому назад читаются как новые. Все на месте...».

Последняя запись сделана 28 февраля 1976 года – ровно за месяц до смерти Макатаева. Тонкое понимание вещей, чутье, свойственное поэту, позволили ему

определить самое главное качество не только своей поэзии, но и поэзии в целом – это ее современность. Поэзия Макатаева так же, как и поэзия Пушкина, Абая, Блока, будет вечно новой и современной для читателя любой эпохи, потому что в ней есть то, что казахский поэт называет одним словом – Дух. Это понимание приходит из дневников Макатаева, которые содержат в себе не только реальную автобиографию поэта, но и его духовную автобиографию.

По прошествии времени дневник Макатаева воспринимается как эстетическое явление. Структурно, представляя собой классическую форму, он содержит и индивидуальные черты: билингвизм, записи-пунктиры. По мере развития дневника поэт все больше и больше обращается к философским раздумьям и социальным обобщениям, которые касаются всех аспектов жизни. Это понимание и оценка поэтом поэзии и значения поэта, назидания своим детям, размышления о сложности времени и драматической судьбе современной ему литературы, которую заполонили всякие дельцы, земляки и друзья, подхалимы и трусы, собратья-халтурщики.

Как пророчески звучат сегодня слова Макатаева о своем месте в литературе, записанные им в дневнике от 21 сентября 1974 года: «Ей, шарманщики! Не вам судить меня! Настоящие судьи впереди еще. Пройдут года, придет новое поколение, и они поставят каждого из нас на свое место. Испокон веков так было, так и есть, так будет! О себе я вот что скажу: Я ровесник поколения XXI века, а может быть, родственник еще дальних поколений...». Светлое чудо поэзии Макатаева было рождено в страданиях и обидах. Боль от них мы смогли услышать еще и потому, что поэт доверил их своему личному документу – дневнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амроян И. Ф. Типология цепевидных структур. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/amroyan1.htm> (дата обращения 22.08.2017).
2. Ахметов З. Казахское стихосложение (Проблемы развития стиха в дореволюционной и современной поэзии). Алматы: ARDA, 2012.
3. Бахтиреева У. М. Особенности русского художественного текста писателя билингва // Вестник РУДН, сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2004. № 1(2). С. 43–49.
4. Бродский И. А. Стихотворения. Эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2001.
5. Бухштаб Б. Я. Лирика Пастернака // Литературное обозрение, 1987, № 9. С. 106–112.
6. Жанабаев К. Тюркский миф в эпосе, обряде и ритуале. Алматы: Қазақ университеті, 2016.
7. Жансүгіров І. Құлагер: поэмалар мен өлеңдер. Алматы: Жазушы, 1994.
8. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
9. Каирбеков Б. Мир кочевья. Мифы великой степи. Казахский этикет. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2014.
10. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
11. Лебединский С. Казахская мифология: Краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005.
12. Қалижанов У. Абай – мәңгілік поэзия // Қалижанов У. Қазақ әдебиеті және рухани жаңғыру. Алматы: Баянжүрек. 145–151 бб.
13. Қасқабасов С. Пушкин и Абай – поэты ренессансного типа // Қасқабасов С. Алтын жылға. Алматы: Жібек жолы, 2010. 85–67 бб.
14. Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000.
15. Ляпина Л. Е. Лекции о русской лирической поэзии: классический период. СПб., 2005.
16. Мақатаев М. Шығармаларының төрт томдығы: 1 т. Алматы: Жалын баспасы, 2001.
17. Мақатаев М. Шығармаларының төрт томдығы: 2 т. Алматы: Жалын баспасы, 2001.
18. Мақатаев М. Шығармаларының төрт томдығы: 3 т. Алматы: Жалын баспасы, 2002.
19. Мақатаев М. Шығармаларының төрт томдығы: 4 т. Алматы: Жалын баспасы, 2002.
20. Мұқағали: Естеліктер. Алматы: Жазушы, 1995.
21. Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1985.

22. Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. Т. 2. Проза; Стихотворения. М.: Художественная литература, 1985.
23. Петрарка Ф. Сонеты; Канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. Москва: Правда, 1984.
24. Поляк Д. М. Жанр дневника и проблемы его типологии: автореф. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004.
25. Поляк З. Н. Жанровые разновидности современной документальной прозы Казахстана // Мат-лы междунар. научн.-практич. конф. «Итоги литературного года – итоги десятилетия: язык – культура – общество». М., 2010. URL: <http://rospisatel.ru/konferenzija/poljak.htm> (дата обращения 14.12.2010)
26. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том V. Л.: Наука, 1978.
27. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М.: Аграф, 2000.
28. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. Алматы: Жазушы, 2013.
29. Символы. Знаки / Ред. группа: Т. Каширина, Т. Евсеева и др. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
30. Энциклопедия восточного символизма / Составитель К. А. Вильямс. М.: АДЕ «Золотой век», 1996.
31. Энциклопедия знаков и символов. Ива. URL: <http://www.symbolarium.ru>.
32. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Локид-Миф, 1999.
33. Эпштейн М. Н. Поэзия и сверхпоэзия: о многообразии творческих миров. М.: Азбука, 2016.

Абишева Сауле Джунусовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета им. Абая.

Автор монографии на русском, казахском и английском языках, посвященной творчеству М. Мақатаева: «Поэтический мир М. Мақатаева» / «М. Мақатаевтің ақындық әлемі» / «M. Makataev's poetical world» (2018) и более 300 научно-методических трудов, среди которых 5 учебников по русской литературе для 11 классов школ Казахстана; 6 монографий, 10 учебных пособий. Статьи опубликованы в Казахстане, России, Польше, Германии Великобритании, Венгрии, Италии, Японии, Турции, Вьетнаме и других странах.

